

⁴⁴ Архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 227. Л. 9. Со слов бартаиццев, живущих в нынешнем Рушанском р-не Горно-Бадахшанской автономной обл., Л.Ф. Моногарова писала, что родившихся баранов и овец черного цвета они закалывали, поскольку те, по народному поверью, приносят несчастье (см.: *Моногарова Л.Ф.* Преобразования в быту... С. 74).

⁴⁵ См.: *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф... С. 196.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф... С. 208.

⁴⁸ *Мухиддинов И.* Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX в.). Душанбе, 1989. С. 76.

⁴⁹ Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душанбе, 1966. С. 12.

⁵⁰ *Бобринской А.А.* Горцы верховьев Пянджа... С. 110.

⁵¹ *Зарубин И.И.* Шугнанские тексты и словарь. М.: Л., 1960. С. 81.

⁵² *Курбон Мухаммад-зода (Охун-Сулаймон), Мухаббат Шох-зода (Сейид-Футур-шо).* История Бадахшана. М., 1973. С. 87 (на персид. яз.).

⁵³ *Суворова А.* Мусульманские святыне Южной Азии XI – XV веков. М., 1999. С. 212–213.

T.S. Kalandarov. Magic in the family daily life rites and rituals of the Shugnans

The present article is devoted to the most numerous among the Pamirs' peoples – Shugnans residing on the territory of the Gorno-Badakhshan oblast (province) of the Tajikistan Republic. Its author examines the question of the existence of magic notions in the birth, wedding and funeral rites and rituals of the Sugnans as well as in their daily life, and concludes that many magic notions have proved to be rather tenacious of life to survive to the present but play only a purely symbolic role today.

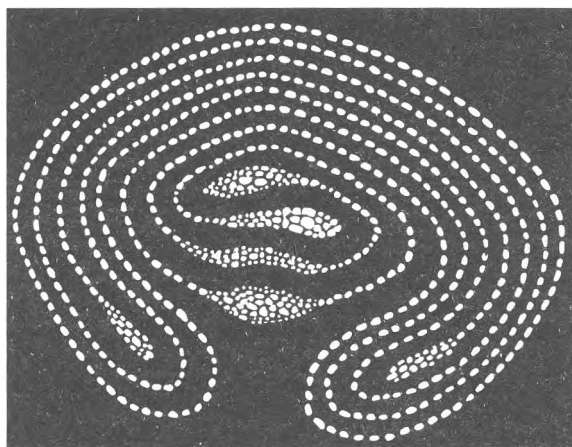
© 2001 г., ЭО, № 1

В.А. Бу ров

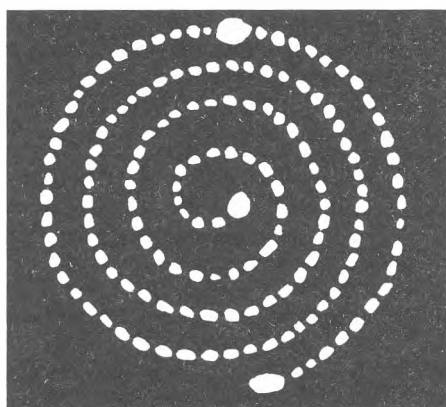
О СЕМАНТИКЕ КАМЕННЫХ ЛАБИРИНТОВ СЕВЕРА

Каменным лабиринтам Русского Севера III–I тыс. до н.э. посвящена достаточно обширная литература. Исследователи подробно описали данные памятники, проследили историю их изучения, провели первичную каталогизацию и классификацию, обсудили вопросы датировки, принадлежности и функционального назначения сооружений. Каменные лабиринты Русского Севера были вписаны в круг древностей Северной Европы. Отмечено, что на территории Карелии, Кольского п-ова, а также Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Исландии и Англии распространены лабиринты одних и тех же типов: односпиральные, биспиральные подковообразные, концентрические и индивидуальных форм (рис. 1). В то же время почти все ученые признают, что многие проблемы изучения каменных лабиринтов Европейского Севера до сих пор остаются нерешенными, а предложенные выводы – спорными или не до конца обоснованными¹.

Вопрос всех вопросов – назначение каменных лабиринтов. Именно в его решении, на мой взгляд, удалось наиболее продвинуться вперед. Огромная заслуга в этом принадлежит Н.Н. Виноградову, в конце 1920-х годов изучавшему лабиринты Соловецких островов. Археолог отметил, что важнейший элемент лабиринтов – груды камней, расположенные в центре многих сооружений, и предложил их трактовку через призму религиозного представления лопарей о священной горе Saivo, где пребывают души умерших. «Лабиринты, – писал Н.Н. Виноградов, – и есть не что иное, как Saivo, священные горы, где живут души усопших, наслаждаясь блаженством. Самый вид

1

2

3

Рис. 1. Каменные лабиринты Севера (по Н.Н. Виноградову): 1 – биспиральный подковообразный (о-в Большой Соловецкий); 2 – односпиральный (о-в Заяцкий); 3 – биспиральный подковообразный с крестообразным пересечением при входе (о-в Готланд)

гребней лабиринтов уже дает представление о хребтах каменных гор». Он характеризовал лабиринты как «города мертвых». И далее: «Душа умершего после смерти продолжает жить, сохраняя способность покидать свое жилище... Для предотвращения нежелательных посещений saivo-лабиринт сделан с одним входом, с запутанными дорожками и гребнями камней, чтобы духи умерших сами в них запутались и не могли выйти наружу».

В сношение с подземными духами входил шаман, обладавший сверхъестественной способностью избегать опасности, грозящей ему в царстве мертвых. Каменная гряда в центре лабиринта служила для жертвоприношений (место помещения жертв). Лабиринты являлись священным местом «первобытных финских племен». Груды камней в центре лабиринтов напомнили исследователю «мировой столб», о котором в мифологии лопарей говорилось, что он поддерживает весь мир. Таким образом, Н.Н. Виноградов первым поставил вопрос о семантике лабиринтов, предложив свое объяснение центральных каменных груд как священной горы, а спиральных выкладок – как гребней гор².

В наши дни А.Я. Мартынов признал данную гипотезу «безусловно интересной, хотя и недостаточно разработанной»³. Развивая ее, исследователь отметил, что каменные лабиринты, являвшиеся составной частью соловецких святилищ, включающих также погребальные памятники в виде каменных курганов, «были символами потустороннего мира, в котором запутывались души умерших, или ...символами некоего “третьего мира”, разделяющего земной и потусторонний миры». Лабиринты с системой запутанных ходов служили «для обеспечения невозвращения умершего из иного мира». А.Я. Мартынов также подчеркнул неслучайность выбора Соловецких островов в качестве места родовых и племенных погребений, указав, что он связан с представлениями древнего беломорского населения о потустороннем мире и самой смерти. Удаление тела за морскую преграду, его сожжение, закладка останков каменной курганной насыпью совершались с одной целью: обеспечить невозвращение умершего или его души из потустороннего мира. Одновременно А.Я. Мартынов расширил функциональное назначение лабиринтов, предположив, что на некоторых из них шло отправление обрядов поклонения солнечному божеству⁴.

Признавая в целом верным сам подход к решению проблемы назначения северных, и в частности соловецких, лабиринтов, заметим, что в утвердившейся концепции их семантики не достает одного, но чрезвычайно важного звена, точнее яркого штриха, который бы, с одной стороны, оживил, а с другой – скорректировал гипотезы Н.Н. Виноградова и А.Я. Мартынова.

Для ответа на вопросы, какой внутренний смысл таят в себе каменные лабиринты, действительно ли они связаны с культом умерших, что означают каменные груды в их центре и окружающие их ленты каменных выкладок, важно еще раз обратиться как к структуре самих лабиринтов, так и к мифологии народов Севера. Прежде всего важно проанализировать малейшие нюансы каменных кладок наиболее распространенных так называемых биспиральных подковообразных круглых лабиринтов классического типа (рис. 1, 1), а затем поставить вопрос: *какой образный ряд* может стоять за всем этим? Мы отмечаем пять основных особенностей формы кладок лабиринтов.

1. Основной элемент лабиринта – спираль, сложенная чаще всего из одиночных валунных камней в длинный ряд.

2. На протяжении всей своей длины спираль на отдельных участках имеет расширение и утолщение в виде каменной кучи округло-овальной формы. По концам спиралей также заметны утолщения, конструктивно обозначенные кучками камней или более крупными камнями.

3. Одиночную спираль укладывали в виде раскручивающейся из центра линии.

4. Укладка двух вписанных одна в другую спиралей имеет вид переплетенного клубка.

5. В центре лабиринтов размещено скопление камней в виде горки (горка в центре Большого Соловецкого лабиринта была разрушена и на приводимом рисунке в работе Н.Н. Виноградова не обозначена; см. рис. 1, 1).

Если оставить в стороне традиционный сухой «конструктивистский» подход и взглянуть на лабиринты с художественных позиций, первое, что мы можем увидеть в схеме лабиринта, – это *клубок из двух свернувшихся змей*. Особенно четко и выразительно образы змей с продольно удлинёнными головами и округло оформленными хвостами представлены в Большом Соловецком лабиринте, взятом нами в качестве

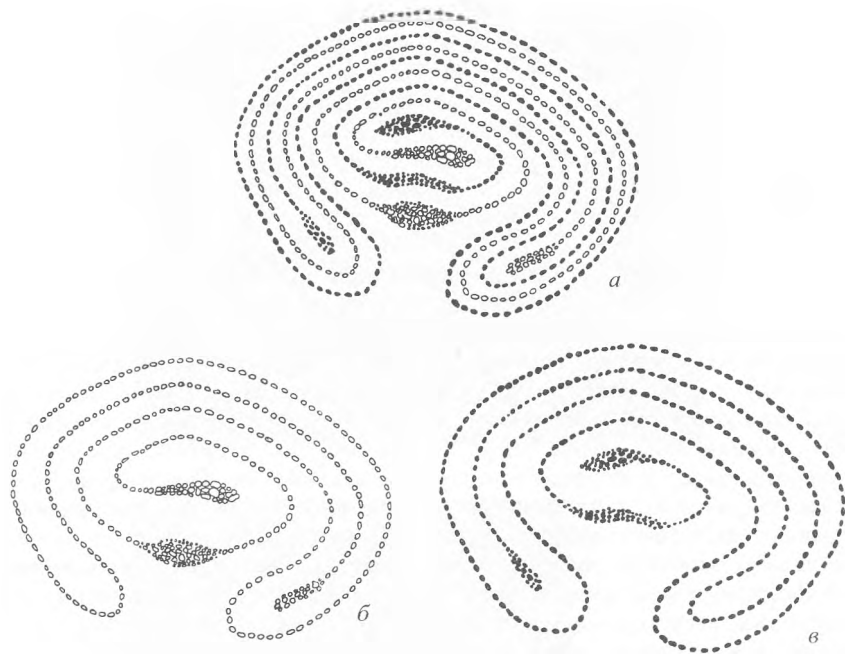

Рис. 2. Структура Большого Соловецкого лабиринта: а – совмещенные изображения двух змей, выложенных в камне; б, в – контуры одной из змей лабиринта

примера (рис. 2). В том, что пресмыкающееся предстает застывшим в камне, нет ничего удивительного, ибо в первобытном сознании человека, обожествлявшего и одухотворявшего окружающий его мир, не было четкой границы между живой и неживой природой. Камень воспринимался им как составная часть этого мира, каменное обличье могли принимать люди, звери. В качестве примера достаточно привести сейды, являвшиеся неотъемлемой частью культуры саамов. Согласно мифологии многих северных народов, в камень превращались эпические персонажи, включая людей и животных.

В отличие от Большого Соловецкого лабиринта в других подобных сооружениях образ змеи может быть выражен более схематично и менее пластично. Для обозначения головы порой бывает достаточно одного большого камня или кучки камней на конце каменной ленты-спирали. Утолщение на противоположном конце обозначало хвост змеи (рис. 1, 2). Встречаются и совсем условные изображения змеи в виде ленты (рис. 1, 3).

Одиночная спираль – это представленная в каменной кладке одна змея (рис. 1, 2); лабиринт, включающий две спирали (рис. 1, 1, 3), обозначал клубок из двух свернувшихся змей, головы которых расположены в самом центре лабиринта почти друг против друга. При этом клубок мог иметь две различные формы: 1) правильной подковы, когда между двумя лежащими *несоприкасающимися* змеями оставался проход по всему лабиринту (рис. 1, 1); 2) подковы с *крестообразным пересечением* «туловищ» змей, когда путь по лабиринту заводил в тупик (рис. 1, 3).

Утолщение ленты камней на одном из участков лабиринта теперь получает достаточно ясную трактовку – это заглоченная жертва. Примечательно, что в указанном Соловецком лабиринте расширение змеиного тела помещено прямо напротив входа. Входящему в лабиринт грозно напоминали о реальной опасности.

Художественная выразительность образа змей в лабиринтах, несмотря на примитивность использованных средств (обыкновенные валунные камни), несомненна. Мы

вправе сделать вывод, что северные каменные лабиринты могут быть причислены не только к памятникам археологии, как считалось до сих пор, но и к произведениям первобытного искусства, так как являют собой весьма отдаленный прообраз современных инсталляций – композиций из отдельных предметов.

Почему же именно змея как основной образ была выбрана первобытным человеком при сооружении лабиринта?

Важные сведения о змеях, их месте в жизни древних людей находим в «Калевале», оформленной в цельное эпическое произведение в середине XIX в. Э. Лённротом. Как установлено, карело-финский эпос включает напластования различных исторических эпох, включая первобытную. В песнях, записанных в XIX–XX вв., нашли отражения филологические представления древнего человека об окружавшем его мире⁵.

Змея в «Калевале» – ярко выраженный *символ зла и смерти*. Змеи мешали людям обрабатывать землю, с ними приходилось вести постоянную борьбу, о чем рассказывал один из героев эпоса – Лемминкяйнен:

Пропахал же поле прежде,
Что все змеями кишело,
И с гадюками поляну;
Змей я голыми руками,
Змей держал я просто пальцем,
Пальцем я держал гадюку:
Змей десятками убивал я
И гадюк до сотни черных (руна 26:257–264)⁶.

Борьба со змеями была повседневным явлением в жизни древних людей. Змеи мешали собирать урожай, отсюда следующее сравнение: герой «Калевалы» Ахти отталкивает челнок в воду, «как змею между колосьев» (руна 30:119). Змеи несли и другое зло людям: именно они вскормили мороз, рожденный хозяйкой северной страны Сариолы-Похъёлы:

Мать его была без груди,
Молока совсем не знала.
Там его вскормили змеи,
Там гадюки насыщали (руна 30:225–228).

Змеи же придали морозу силы, змеиную хватку:

Покусал листья деревьев,
Снял у вереска цветочки,
Покусал кору у сосен,
Пощипал у елок корку (руна 30:251–254).

Укус змеи был смертельным, укушенные люди сразу попадали в подземное царство смерти. Колдун-пастух, выхвативший из волн реки Туанелы змею и набросивший ее на Лемминкяйнена, отправил его в страну смерти Маналу (руны 14:405–460: 15:575–579).

Козни змеи объяснялись тем, что она считалась прямым порождением самых темных сил – бог не мог породить такое злобное создание. О происхождении змеи мы узнаем из обращения Лемминкяйнена к гадюке с высунутым ядовитым жалом, злобно шипевшей над его головой. Герой вспомнил старинное предание – «слово древности», когда-то рассказанное ему матерью (руна 26:678–679), согласно которому змею породила Сюзтар – злобное существо, жившее в пучине моря и пожирившее людей:

Знаю я начало толстой,
Знаю изверга рожденье:
Мать твоя ведь – людоедка,
Мать твоя – из глуби моря (руна 26:691–694).

Сюзэтар плюнула в море; ее слюна шесть лет качалась на волнах, приобретя на седьмой год вытянутую форму и гибкость:

Там вода слону тянула,
Ей давало гибкость солнце (руна 26:702–703).

Затем слюну злобной Сюзэтар прибой принес к берегу, где ее нашли «три дочери творенья», ставшие рассуждать, что может получиться из слюны, если вложить в нее душу. Их речи прервал «творец», верховный бог Укко:

Говорит слова такие:
«Только дрянь из дряни выйдет,
Из дурных отбросов злое,
Если я вложу в них душу.
Если им глаза дарую» (руна 26:717–720).

Однако злой дух Хийси (он же Лемпо) был «готов к дурному делу»: «даровал слюне он душу», в результате чего «из слюны змея явилась, вышла черная гадюка» (руна 26:724–728). Далее все злобные и темные силы постарались наделить змею кто чем мог. Жизнь слюне из груды углей дал Хийси. Сюзэтар дала слюне сердце. Мозги змея получила «из морской кипучей пены», «чувство изверга» – из пучины водопада, голову – «из боба дрянного». Глазами гадюку наделил злой дух из «зерна льняного Лемко», а ушами – «из листов березы Лемпо». Рот получился из пряжи «людоедки», язык – из копья злого духа Кейтолайнена, зуб – из ячменного усика, происходящего из подземного мира Туонелы. Десны злобной змее дал бог смерти. Для спины змеи Хийси пожертвовал печной ухват, хвост появился «из косы нечистой силы», а для чрева гадюки «бог смерти дал свой пояс» (руна 26:730–757). Так возникло это мерзкое существо, находившееся на службе у смерти.

В «Калевале» отмечены два места основного скопления змей. Прежде всего далекая северная страна Похъёла (она же Сариола) в Лапландии. Страна эта называется в «Калевале» «суровой». Располагалась она «за чертой земли туманной» (руна 29:511–512), т.е. за чертой обитания людей. Это равнинная пустынная страна, «где ворон лишь родится» (руна 30:379). Там проживало «племя Лемпо» в облике людей (руна 29:566). Если учесть, что злой дух Лемпо (он же Хийси) принял активное участие в сотворении змеи из слюны Сюзэтар, то нет ничего удивительного в том, что именно многочисленны змеи составляли «змеиную ограду» (руна 26:612) – живой забор страны Похъёлы:

Тот забор – в земле сто сажен.
Сажень тысячу до неба;
Копья были там столбами.
Змеи были там жердями,
Их гадюками скрепили,
Ящерицами связали,
И хвосты у них висели,
С свистом головы шипели.
Черепки сверху качались,
И хвосты мотались снизу (руна 26:585–595).

Змеи оплетали этот забор и под землей:

Глубоко ползут гадюки.
А забор еще поглубже (руна 26:601–602).

«Тысячезыкая», «стоглазая» с тысячьо жал змея охраняла ворота страны Сариолы-Похъёлы (руна 26:615–670).

Описание змеиного забора страны Похъёлы (или Похъоль) находим в многочисленных вариантах песен, в которых эта ограда выступает как угроза «смерти первой» или

«второй смерти» (здесь налицо разночтения). Кроме того, смертельная змеиная угроза в Похъэле исходила из угощения, подаваемого прибывавшему гостю. Так, Лемминкяйнен, которому дали выпить пиво, кишащее змеями, заметил, что эта кружка – «в Маналу бокал несущий», а принесший ему кружку направляет его прямо в Туанелу (она же Манала, Туонела, Туони)⁷.

Вторым местом скопления и обитания змей было само подземное царство смерти, царство мертвых. Туда попадали «похищенный болезнью», «убитые грозною смертью» (руна 16:178–179). Там хозяйничало божество Мана-Маналайнен. Попасть в страну Маны можно было через туманную далекую реку Туонелу (руна 32:175), которая считалась «святой речной пучиной» (руна 14:406), рекой, ведущей «в вечные потоки Маны» (руна 17:436). Черные потоки Туонелы текли «в нижних Маналы пределах» (руна 14:387–388). Сама река Туонела называется в «Калевале» «черной», определяется также как «пролив» (руна 16:354) и «сумрачный поток», «Манелы глубокие воды» (руна 15:189–190). Там водилась щука – «рыба жирная» «с страшными зубами» (руна 19:155–156, 201–202, 206). Обитали в водах Туонелы и змеи. Недаром Лемминкяйнен обращается к змее, преградившей путь у ворот Похъэль:

Ты, подземная ползунья,
Туонелы червяк ты черный (руна 26:759–760).

Страна Маналы представляла собой «царство мрака» (руна 16:306), «дебри лесные» (руна 19:118), «низкие местности» (руна 20:83). Среди обитателей этой страны – медведь и седой волк:

Коли Туонелы медведя,
Волка Маналы седого
Ты поймашь в царстве мертвых,
В мрачных Туонелы пределах (руна 19:105–108).

Старуха и старец пряли и плели сети, которые расставлялись сыном Маны в широком проливе Туонелы, чтобы никто не смог покинуть царство смерти, «из жилищ подземных Туони, из селений Маны мрачных» (руна 16:335–368).

Чрезвычайно важны строки руны 17 «Калевалы», в которых дано описание наиболее примечательных черт царства мертвых. Вайнямёйнен, оказавшийся в стране мертвых, а затем вышедший оттуда, молвил такие речи:

«Никогда, о бог мой добрый,
Никому не позволяй ты
Своевольно быть у Маны,
К Туони в царство опускаться.
Многие туда приходят,
Но немногие уходят
Из жилищ подземных Туони,
Из селений Маны мрачной».
Дальше так он молвил слово,
Так сказал он молодежи,
Молодому поколению,
Что теперь лишь подрастает:
«Никогда, сыны земные,
Никогда в течение жизни
Не обидьте невиновных,
Зла не делайте невинным,
Чтоб не видеть вам возмездья
В сумрачных жилищах Туони!
Там одним виновным место,
Там одним порочным ложе:
*Под горячими камнями,
Под пылающим утесом,
И под сотканным покровом*
Из червей и змей подземных» (руна 16:389–412; курсив мой. – В.Б.)

Последние строки, упоминающие горячие камни, пылающий утес, покров, сотканный из змей, являются, на наш взгляд, ключевыми для объяснения композиционной структуры северных святилищ, составной частью которых, как установлено археологами, были лабиринты.

«Горячие камни» – это так называемые каменные груды, или каменные курганы с трупосожжениями, зафиксированные и частично раскопанные археологами рядом с каменными лабиринтами.

«Сотканный покров из червей и змей подземных» – это то, что ранее мы определяли для лабиринтов как клубок застывших в камне змей (рис. 2, 1). Червь – синоним змеи, ее презрительное название в эпосе. Некоторые песни рассказывают о том, как из подземного червя-змеи получился лен:

Червячка из Туони взяли,
Без огня [ту змею–личинку] натерли,
Искры от нее посеяв.
Конопля из искр явилась.
Лен отменный поднимался.
Лен разросся беспредельно.
Из тех искр змеи подземной⁸.

Теперь окончательно становится ясна семантика спиральных каменных выкладок: перед нами, несомненно, изображение змей подземного царства, страны смерти Маналы-Туонелы (рис. 2, б, в).

Объясняется и назначение утолщения на теле змей (как указано выше, в лабиринтах оно представлено небольшими кучами камней среди ленты). Это чрево, данное змее богом смерти, или «пояс смерти», а в нем – заглоченная жертва.

«Пылающий утес», о котором упоминается в «Калевале», мы наблюдаем в лабиринтах в виде центральной груды камней. Его-то и обвивают змеи подземного царства. В вариантах песен «пылающий утес» называется более определенно – «горой Туонелы» («под горой Туони мрачной»)⁹, внутри которой и расположено «сумрачное» царство смерти. Примечательно также, что наряду со змеиной оградой страны Похъёлы в разных вариантах песен «смертью первой» или «смертью второй» именуется огненная скала с сидящим на ней орлом.

Передача образа горы посредством скопления-кучи собранных вместе камней вполне соответствует древнему миропониманию. На хвастливые слова одного из героев эпоса Ёуккавайнена о том, что он помнит, «как вершины гор воздвигли, как собрали камни в груду» (здесь дан перевод А.И. Мишина¹⁰), Вайнямёйнен заметил:

Гор вершины я воздвигнул,
Я собрал все камни вместе.

«Пылающая скала», или гора смерти, не что иное, как воплощенная идея Мировой горы, представления о которой имели практически все народы мира. Таким образом, подземный мир царства смерти, по карело-финскому эпосу, находился под Мировой горой. Священная гора лопарей Saivo, упоминавшаяся М.М. Виноградовым, а также груды камней в центре лабиринта, ассоциировались у этого ученого с «мировым столбом», о котором в мифологии лопарей говорилось, что он поддерживает весь мир.

Вход в лабиринт – начало подхода к подземелью царства мертвых. Узкая дорожка между телами свернувшихся змей – вполне конкретный путь в царство мертвых. Начавший его не знал, будет ли пройден им этот путь до конца, вернется ли он из лабиринта. Самый опасный участок находился в центре лабиринта, где идущий оказывался между двух голов свернувшихся чудовищ. Еще при входе в лабиринт его ждало предупреждение о возможной судьбе: здесь тело змеи заметно утолщалось – она проглотила жертву; утолщения встречались и на других участках. Можно лишь

представить ощущения входящих в лабиринт первобытных людей, в сознании которых спираль из камней была вполне реальным воплощением застывших и окаменевших чудовищ подземного царства.

Отважные герои «Калевалы» спускались в подземную страну мертвых с вполне определенными целями. Так, однажды Вяйнямёйнен отправился туда узнать у хозяйки подземного царства три заветных слова заговора-заклятья, «чтоб скрепить концы плотнее, чтоб покрыть корму у лодки» (руна 16:313–314). Второй раз он намеревался взять у Маны инструмент буравчик, чтобы сделать сани (руна 25:689–716). В представлении древних спуск в страну мертвых – это вполне реальное, хотя весьма трудное и небезопасное путешествие.

Таким образом, расшифровка семантики биспиральных подковообразных лабиринтов позволяет теперь уже со всей определенностью считать эти памятники сооружениями, имеющими прямое отношение к культуре мертвых, стране смерти. Остается объяснить семантику лабиринтов с солярной символикой – замкнутыми концентрическими кругами, служивших, по предположению А.Я. Мартынова, для отправления обрядов поклонения солнечному божеству¹¹. На наш взгляд, солярная символика (крест) отчетливо различима и в биспиральных подковообразных лабиринтах с крестообразным пересечением двух линий у входа (рис. 1, 3).

Круговые кладки отдельных лабиринтов хорошо соотносятся с песнями «Калевалы», в которых солнце представлено как «колесо господне света» (руна 33:20), «богом созданное солнце, божье чадо дорогое» (руна 15:223–224). Семантика же биспиральных подковообразных лабиринтов с крестообразным пересечением двух линий у входа имеет более сложное объяснение.

Согласно «Калевале», солнце вместе с месяцем спрятала внутрь «горы»–скалы–«камня» Лоухи, хозяйка северной страны Похтьёлы, со словами заклинания:

«Никогда светить не выйдет
Из горы на волю месяц,
Никогда не выйдет солнце,
Коли я не отпущу их,
Коль сама не дам свободы,
Жеребят доставя девять,
От одной рожденных матки!» (руна 47:26–32).

Примечательно, что внутри скалы, где были заточены солнце и месяц, находились змеи! Главный герой «Калевалы» Вяйнямёйнен решил вызволить для людей из плена дневное и ночное светила. Он заметил в камне-скале узкую полоску-трещину, куда и вставил свой меч. Камень раскололся натрое, и Вяйнямёйнен увидел сквозь щель пирующих змей:

Змеи там хлебают сусло,
Пиво пьют в скале гадюки,
В недрах этого утеса,
Что похож на печень цветом (руна 49:255–258).

Аналогичная сцена пира змей внутри скалы, в которую заточено хозяйкой Похтьёлы солнце, имеется и в других записях песен:

Там гадюки пьют пиво,
Змеи рядом его лакают¹².

Исчезновение солнца воспринималось жителями страны Калевы не только как полное погружение в кромешный мрак, отсутствие тепла, но и как прекращение «божьего времени» (руна 33:38), т.е. смерть. Все это напоминает смерть солнца, заточение его в стране мертвых – в горе, где пируют змеи, празднуя поступление к

ним очередной жертвы. В этой связи хочется напомнить, что в песнях о заточении солнца постоянно фигурирует число девять: девять жеребят, которые хозяйка Похъёлы должна принести в жертву (руна 47:31); девять дверей в скале, за которыми спрятано светило (руна 49:243). Девять – число сакральное. Например, в скандинавской мифологии подземный мир состоял именно из девяти миров (об этом см. ниже).

Не покажется странным совпадение, что описанная выше змеиная ограда в Похъёле уходит глубоко в землю: связь с подземным миром страны Похъёлы, заселенной злыми духами и охраняемой подземными змеями, становится совершенно очевидной. Здесь тоже был еще один вход в подземное царство Маны-Туонелы через змеиную решетку, а не через речной поток. И сразу получают объяснение строки эпоса о двух первых смертях: от горящей (пылающей) скалы-утеса (т.е. царства Маналы) и от змеиной решетки в стране Похъёлы. Поэтому заключение солнца в скалу в Похъёле означало попадание светила в подземный мир, царство смерти. Если мы теперь внимательно взглянем в лабиринт с крестообразным пересечением двух змей при входе (рис. 1, 3), то заметим, что его начало находится внутри «подковки» за девятью поясами. За девятью поясами (своеобразными замками) расположены головки змей и Большого Соловецкого лабиринта (рис. 1, 1).

«Калевала» в литературной обработке Лённрота содержит топографические и географические привязки входа в подземное мрачное царство мертвых Маналы-Туонелы. Во-первых, эта страна располагалась на весьма далеком расстоянии от страны Калевалы. Подойти к ней Вяйнямейнен смог только через три недели:

Шел он быстрыми шагами,
Шел неделю чрез кустарник,
Через заросли другую,
Можжевеликом шел третью (руна 16:153–156).

Во-вторых, от прочей земли страна мертвых была отделена широкими водами потока Туонелы (он же река, он же пролив). Вяйнямейнену, чтобы попасть в страну мертвых, надо было перебраться через него:

Старый, верный Вяйнямейнен
Громким голосом воскликнул:
Там, у Туонелы потока,
Маналы у вод глубоких:
«Дочка Туони, дай мне лодку,
Дай паром мне, дочка Маны,
Чтобы реку перейти мне,
Через пролив туда добраться» (руна 16:159–166).

В-третьих, страна мертвых располагалась на острове, имевшем весьма важную примету – высокий холм:

Остров Маналы он видит,
Туонелы он холм заметил (руна 16:157–158).

В-четвертых, она была покрыта характерной растительностью. Здесь были «дебри лесные» (руна 19:118), «низкие местности» (руна 20:83)¹³.

Хотя многие исследователи «Калевалы» отрицают наличие каких-либо точных географических объектов в эпосе, включая саму страну Калевалу, нам все же представляется весьма заманчивым указать на странное совпадение перечисленных выше четырех географических характеристик царства мертвых с одним реальным объектом. Это – Соловецкий архипелаг с его многочисленными святилищами, лабиринтами, не имеющими по числу аналогов в Северной Европе. Со стороны моря он воспринимается как один большой остров с лесными дебрями, покрытый низкой расти-

тельностью. Здесь есть огромный холм – это гора, названная в эпоху средневековья Голгофой, с абсолютной высотой около 200 м. Наконец, широкий поток (пролив) Туонела, отделяющий остров страны смерти от земли, может отождествляться с проливом Белого моря – Западной Соловецкой Салмой. Примечательно, что старушка–мать, искавшая части своего сына Лемминкяйнена в глубоких водах Туонелы, захватила граблями малый пальчик сына не где-нибудь, а в море:

На зубах из вод приподнят,
За ногу одну захвачен,
За один лишь малый пальчик.
Показался Лемминкяйнен,
Тот веселый калевалец,
На богатых медью граблях,
На волнах прозрачных моря (руна 15:270–276; курсив мой. – В.Б.).

Упоминание же водопада на реке Туонеле этому не противоречит. Очевидно, в представлении древних, данная река могла начинаться на материке с водопадами, а далее ее воды должны были уходить безраздельным потоком в море, переходить в широкий пролив. По-видимому, здесь можно подразумевать конкретную реку – Кемь, так как это самая крупная река на Карельском берегу напротив Соловецких островов, к тому же с водопадом.

Отождествление нами Соловецких островов с эпической страной мертвых карело-финского эпоса – всего лишь гипотеза, требующая дальнейшей проверки.

Соловецкие лабиринты, лабиринты Карелии и Кольского п-ова составляют восточную, окраинную часть ареала лабиринтов Европейского Севера. Следовательно, наши выводы, касающиеся семантики данных сооружений, в дальнейшем могут быть детально проверены с привлечением мифологии других народов Северной Европы. Однако это отдельная тема; сейчас же для нас важно назвать возможные и наиболее яркие параллели в представлении об устройстве мира североευропейских народов.

В скандинавском эпосе «Младшая Эдда» упоминается царство мертвых, состоящее из девяти миров. Оно располагалось под Мировым деревом. Дорога в него шла «вниз и к северу». Чтобы попасть туда, требовалось девять дней пути верхом на лошади. У самых врат царства Хель течет река Гьёлль (Шумная)¹⁴. Она вытекает из реки Кипящий Котел, расположенной в середине Нифльхейма¹⁵; «и нет числа змеям, что живут в потоке Кипящий Котел вместе с Нидхёггом»¹⁶. Очевидно, на реке Кипящий Котел располагался Берег Мертвых, упомянутый в песне другого скандинавского эпоса – «Старшая Эдда» – «Прорицание Вёльвы». Здесь находился дом, сплетенный из змей, куда попадали грешники, сразу становившиеся добычей змея-дракона Нидхёгга:

Видела дом,
далекий от солнца
на Берегу Мертвых,
дверью на север:
падали капли
яда сквозь дымник,
из змей живых
сплетен этот дом.
Там она видела –
шли чрез потоки
поправшие клятвы,
убийцы подлые
и те, кто жен
чужих соблазняет:
Нидхёгг глотал там
трупы умерших,
терзал он мужей...¹⁷

Согласно «Младшей Эдде», владычицей всего подземного мира была великанша Хель, сестра Мирового змея. Она владела девятью мирами и «давала приют у себя всем, кто к ней послан, а это люди, умирающие от болезней или от старости; там у нее большие селения, и на диво высоки ее ограды и крепки решетки»¹⁸.

Приведенные сведения из «Младшей Эдды» и «Старшей Эдды» содержат явные параллели с «Калевалой» в представлениях о царстве мертвых. В обоих случаях оно располагалось под землей: в одном случае – под Мировым деревом, в другом – под горой. В целом же речь идет об одном миропонимании: Мировое дерево, как известно, произрастало на Мировой горе. Следовательно, царство мертвых в обоих случаях находилось под Мировой горой.

С царством мертвых связаны змеи. По «Калевале», их укусы сразу отправляли человека в страну Маны. Змеи образовывали плотный покров вокруг горы. В «Старшей Эдде» змей Нидхёгг пожирал трупы умерших, а одна из рек подземного мира – Кипящий Котел – кишела змеями. Змеиная решетка Похъёлы сопоставима со сплетенными из змей стенами дома на Берегу Мертвых. В обоих случаях рубежом между царством мертвых и другим миром была река (или поток).

Подведем итоги.

1. Семантика каменных лабиринтов Русского Севера, прежде всего соловецких, получает объяснение через призму карело-финского эпоса «Калевала». Выложенные из валунных камней спирали обозначали змей подземного царства смерти, а размещенные в центре сооружений каменные горки символизировали Мировую гору, в недрах которой, в представлении древних, находилось царство смерти. Змеи – хтонические существа, связанные с этим подземным миром мертвых.

2. Изображения змей, представленные в виде линий, выложенных из камней, – это художественные образы, что позволяет отнести каменные лабиринты к произведениям первобытного искусства.

3. Лабиринты, имевшие четко выраженную солярную направленность (крестообразное пересечение двух линий), были связаны с культом солнца, его заточением в скалу, гору подземного царства, куда оно было спрятано злыми силами.

4. Высказано предположение, что крупнейший первобытный культовый центр Беломорья – Соловецкий архипелаг – выступал в роли эпической Страны Мертвых, описанной в «Калевале». Лабиринты же служили дверьми в подземелья царства смерти Маналы-Туонелы.

Примечания

¹ *Спицын А.А.* Северные каменные лабиринты // Изв. археологической комиссии. 1904. Вып. 6. С. 101–112; *Виноградов Н.Н.* Соловецкие лабиринты // Матер. Соловецкого общества краеведения (далее – СОК). Вып. IV. Соловки, 1927; *его же.* Новые лабиринты Соловецкого архипелага // Матер. СОК. Вып. XII. Соловки, 1927; *Гурина Н.Н.* Каменные лабиринты Беломорья // Сов. археология (далее – СА). 1948. Т. X. С. 125–142; *ее же.* О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 39. М., 1953. С. 408–420; *Мулло И.М.* К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966. С. 185–193; *Курашов А.А.* О каменных лабиринтах Северной Европы. Опыт классификации // СА. 1970. № 1. С. 34–48; *его же.* Древние лабиринты Архангельского Беломорья. К вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы. Историко-краеведческий сб. Вологда, 1973; *его же.* К вопросу об иррациональном назначении каменных лабиринтов Соловков // Актуальные проблемы развития историко-архитектурных и природных музеев-заповедников. Архангельск, 1983. С. 45, 46; *его же.* Об археологическом изучении Беломорья и прилегающих к нему территорий // Археология и археография Беломорья. Сб. статей. Котлас, 1984. С. 5–35; *его же.* Соловецкие памятники (описания А.А. Евневича и П.К. Казаринова. 1934 г.) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. Сб. науч. трудов. Т. 3. М., 1990. С. 300–323; *Титов Ю.В.* Лабиринты и сейды. Петрозаводск, 1976; *Мартынов А.Я.* Археологические памятники Соловецких островов. Архангельск, 1983; *его же.* О некоторых спорных вопросах соловецких святилищ // Архангельское Поморье. История и культура. Архангельск, 1983. С. 61–73; *его же.* К истории исследования соловецких древностей // Археология и археография Беломорья. С. 36–51; *его же.* О некоторых проблемах соловецких святилищ // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. С. 268–281 и др.

² *Виноградов Н.Н.* Соловецкие лабиринты. С. 152, 157, 159.

³ *Мартынов А.Я.* К истории исследования... С. 39.

⁴ *Мартынов А.Я.* О некоторых проблемах... С. 273–275.

⁵ *Куусинен О.* Эпос «Калевала» и его творцы // Калевала. Петрозаводск, 1956. С. III–XXII; *Евсеев В.Я.* Исторические основы карело-финского эпоса. Кн. 1. М.;Л., 1957. С. 68–128.

⁶ Калевала. Карело-финский эпос. Петрозаводск. 1956.

⁷ Карельские эпические песни. М., 1950. С. 28; Карело-финский народный эпос. М.;Л., 1994. С. 179, 237, 257, 276.

⁸ Карелофинский народный эпос. С. 28.

⁹ Карельские эпические песни. С. 38; Карело-финский народный эпос. С. 97.

¹⁰ *Мишин А.И.* Путешествие в «Калевалу». Петрозаводск, 1984. С. 8.

¹¹ *Мартынов А.Я.* О некоторых проблемах... С. 273–275.

¹² Карельские эпические песни. С.50.

¹³ В «Калевале» упоминается и другой подземный мир, резко отличный от Маны. Это владения Калмы – божества смерти, живущего под землей:

Под землей тебе найдется
Место славное у Калмы:
Там сильнейшие в покое,
Там могучие в дремоте (руна 33:259–263).

Спуститься в обитель Калмы означало спуститься «вниз, в распухший дерн могильный и в ископанную землю» (руна 17:381–382). Попасть к ней можно через ворота: «Я пойду к воротам Калмы» (руна 35:364), которыми, скорее всего, служила вырытая могила:

Коль скончался, так скончался;
Дома там найдется мерин,
Чтоб свезти его в могилу,
Опустить в жилище Калмы (руна 36:171–174, 187–188, 199–203).

Могила определяется и как «лоно Калмы» (руна 36:228), «жилище людей умерших» (руна 17:378). Лабдище называлось «полянкой Калмы».

Сообщение о другом подземном мире, где над погребенными под дернами в могилах властвует Калма, находится в противоречии со сведениями о царстве мертвых Маны-Туонелы. Очевидно, Калма имеет отношение к более позднему пласту мифологии, когда в хозяйстве северян появилась лошадь и совершались захоронения в могилах – трупоположения.

В описываемую эпоху явно господствовал иной обряд – трупосожжение. Вяйнямейнен на вопрос, почему он явился в царство смерти, «не похищенный болезнью, не убитый грозной смертью и ничем не умерщвленный», попытался солгать:

Сам огонь меня доставил,
С ним я в Маналу спустился (руна 16:178–179, 227–228).

¹⁴ Младшая Эдда. Л., 1970. С. 15, 49, 50.

¹⁵ Там же. С. 15.

¹⁶ Там же. С. 24.

¹⁷ Старшая Эдда. М., 1975. С. 187.

¹⁸ Младшая Эдда. С. 31.

V. A. B u r o v. On the hidden meaning of the stone labyrinths in the Russian North

The hidden meaning of the stone labyrinths of the Russian North and of those of the Solovetsk islands in the first place are explained in this article through the prism of the Karelo-Finish epic «Kalevala». A supposition is offered that the largest cultural center of the White Sea region, i.e. the Solovetsk archipelago was playing the role of the Land of the Dead described in «Kalevala» and that the labyrinths served as the doors to the underground vaults of the kingdom of the death. It is shown that the depictions of snakes as represented in the form lines made up of stones are really artistic images which fact allows classing the stone labyrinth among the works of the primitive art.